

Награжден! / новелла

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Награжден! / новелла НАГРАЖДЕН!

Все люди рождаются с особым предрасположением, призванием, а то и просто желанием, пробуждающимся при первых шагах, при первом лепете.

С детства у г-на Сакремана была одна лишь мысль – получить орден. Мальчиком носил он оловянный крест Почетного легиона, как другие дети носят военные кепи, и гордо шел под руку с матерью по улице, выпячивая детскую грудь, украшенную красной ленточкой и металлической звездой.

После малоуспешных занятий он не сдал экзамена на бакалавра и, не зная, что с собой делать, женился на хорошенькой девушке, так как располагал достатком.

Они жили в Париже, как живут все зажиточные буржуа, вращались в своем кругу, не смешивались с толпой, гордились знакомством с депутатом, который мог стать министром, и дружбой с двумя начальниками отделений.

Но мечта, запавшая в голову г-на Сакремана с первых дней его жизни, не покидала его, и он непрерывно страдал оттого, что не мог украсить грудь маленькой алой ленточкой.

У него щемило сердце, когда он встречал на бульваре людей, награжденных орденами. Он поглядывал на них искоса, с острой завистью.

Порой, в долгие часы послеполуденного безделья, он принимался их считать. «Посмотрим-ка, – мысленно говорил он, – сколько мне попадется от церкви Мадлен до улицы Друо».

Он шел медленно, приглядываясь к костюмам, издали наметанным глазом различая маленькую красную точку. И всегда в конце прогулки количество орденов поражало его.

«Восемь офицеров и семнадцать кавалеров! Однако! Глупо раздавать кресты направо и налево. Посмотрим-ка, сколько их будет на обратном пути».

И он возвращался не спеша, досадуя, когда суетливая толпа

затрудняла его подсчеты и он мог кого-нибудь пропустить. Он знал кварталы, где они всего чаще встречались. Они кишели в Пале-Рояле, на авеню Оперы их было меньше, чем на улице Мира. Правую сторону бульвара они предпочитали левой.

У них, по-видимому, были свои излюбленные кафе, театры. Всякий раз, когда г-н Сакреман замечал кучку седовласых мужчин, остановившихся посреди тротуара и мешавших движению, он думал: «Вот офицеры ордена Почетного легиона». И ему хотелось поклониться им.

У офицеров (он это часто замечал) иная осанка, чем у простых кавалеров. Чувствуется, что их общественный вес больше, влияние шире.

Но порой г-на Сакремана охватывала злоба, ярость против всех награжденных, и он проникался к ним ненавистью социалиста.

Тогда ордена раздражали его, как дразнит голодного бедняка снедь, выставленная в витрине гастрономического магазина, и, придя домой, он громко заявлял:

— Да когда же наконец избавят нас от этого подлого правительства?

Жена удивленно спрашивала:

— Что с тобой сегодня?

Он отвечал:

— Меня возмущают несправедливости, которые творятся повсюду! Как правы были коммунары!

Но, пообедав, он снова уходил из дому — поглазеть на витрины с орденами. Он разглядывал все эти эмблемы различной формы и окраски. Он желал бы иметь их все и на каком-нибудь официальном торжестве, в огромном зале, полном народа, полном восхищенной толпы, идти во главе шествия, сверкая грудью, вдоль и поперек испещренной рядами орденов, величаво выступать с шапокляком под мышкой, сияя подобно светилу, среди восторженного шепота, среди почтительного гула.

Но, увы, заслуг для ордена он не имел.

Он рассуждал:

«Орден Почетного легиона не так-то легко получить человеку, не занимающему общественной должности. Не попытаться ли мне получить звание члена академии?»

Но он не знал, как тут взяться за дело. Когда он обратился за советом к жене, та очень удивилась:

– Члена академии? А что ты для этого сделал?

Господин Сакреман рассердился:

– Да возьми ты в толк! Я же как раз и обдумываю, чтобы такое сделать? Как ты иногда непонятлива!

Жена улыбнулась:

– Допустим, ты прав! Но я ведь тоже не знаю! У него мелькнула мысль:

– Не поговорить ли тебе с депутатом Росселеном? Он может дать хороший совет... Мне самому, понимаешь, неудобно заговорить с ним об этом. Дело щекотливое, затруднительное. А тебе спросить вполне уместно...

Госпожа Сакреман исполнила его просьбу. Росселен обещал переговорить с министром. Сакреман докучал ему напоминаниями. Депутат ответил наконец, что надо подать прошение и перечислить свои ученые степени.

Легко сказать – «степени». Он не был даже бакалавром.

Однако надо же с чего-нибудь начать, и Сакреман принялся кропать брошюру: «О праве народа на образование». Но скудость мысли помешала ему закончить труд.

Он стал искать тему полегче и принимался поочередно то за одну, то за другую. Цервой было: «Наглядное обучение детей». Он требовал, чтобы в бедных кварталах были основаны бесплатные театры для детей. Родители водили бы их туда с самого раннего возраста, и там, с помощью волшебного фонаря, им преподавались бы начатки из всех областей человеческого знания. Так можно было бы пройти настоящий курс обучения. Зрение просвещало бы мозг, и картины запечатлевались бы в памяти, делая науку, так сказать, наглядной.

Чего же проще, как преподавать таким образом всеобщую историю, географию, естественную историю, ботанику, зоологию, анатомию и т. д. и т. д.?

Он издал статью и разослал по одному экземпляру каждому депутату, по десяти – каждому министру, пятьдесят – президенту республики, по десяти – в редакции парижских газет, по пяти – в редакции газет провинциальных.

Затем он занялся вопросами об уличных библиотечках, требуя от правительства, чтобы по улицам развозили книги в небольших тележках, как развозят апельсины. Каждый обыватель, уплатив за абонемент одно су, приобрел бы право прочитывать по десяти томов в месяц.

«Народ, – писал г-н Сакреман, – падок только на развлечения. Сам он не идет к знанию, пусть же знание пойдет к нему» и т. д.

Его труды не вызвали шума. Но он все же подал прошение. Ему ответили, что оно принято к сведению и что с его трудами знакомятся. Он решил, что успех обеспечен; стал ждать; ответа не было.

Тогда он решил похлопотать сам. Он испросил аудиенции у министра народного просвещения и был принят одним из его секретарей, совсем еще молодым, но солидным и важным, который, словно играя на фортепьяно, нажимал ряды белых кнопок и вызывал швейцаров, курьеров из передней и младших служащих. Он заверил просителя, что дела его идут хорошо, и посоветовал ему продолжать свои замечательные труды.

И г-н Сакреман снова засел за работу.

Депутат Росселен, казалось, живо интересовался теперь его успехами и надавал ему кучу превосходных деловых советов, Росселен, кстати, сказать, был награжден орденом, но никто не знал, за какие заслуги он получил его.

Он указал г-ну Сакреману несколько новых тем для его работ, ввел его в ученые общества, занимавшиеся особенно темными областями наук, в надежде снискать почести, и даже оказывал ему покровительство в министерстве.

И вот однажды, придя к своему другу позавтракать (за последние месяцы Росселен частенько завтракал и обедал в его доме), он, пожимая руку Сакремана, сказал ему на ухо:

– Мне удалось добиться для вас большой чести. Комитет исторических исследований возлагает на вас поручение. Надо произвести изыскания в различных библиотеках Франции.

Сакреман от волнения не мог ни есть, ни пить. Через неделю он уехал.

Он ездил из города в город, изучая каталоги, роясь на

чердаках, заваленных пыльными томами, навлекая на себя ненависть библиотекарей.

Но однажды вечером, когда он был в Руане, ему захотелось обнять жену, — он не виделся с ней уже неделю; он сел па девятичасовой поезд, рассчитывая к полуночи попасть домой.

У него был свой ключ. Он вошел неслышно, дрожа от радости, предвкушая счастливое изумление жены. Дверь в спальню была заперта. Вот досада! Он крикнул:

— Жанна, это я.

Она, по-видимому, сильно испугалась; он услышал, как она вскочила с кровати и заговорила сама с собой, словно во сне, затем побежала к своей уборной, хлопнула дверь и забегала босиком взад и вперед по комнате, двигая мебелью так, что звякали стеклянные дверцы шкафов. Наконец она спросила:

— Так это ты, Александр?

Он ответил:

— Ну да. Открой же!

Дверь отворилась, и жена упала к нему на грудь, бормоча:

— Ах, ужас! Вот не ждала! Вот радость!

Он начал раздеваться обстоятельно, как делал все; раздевшись, взял со стула пальто, чтобы повесить его в передней, и вдруг замер от изумления. В петлице была красная ленточка.

Он пробормотал:

— Что это... пальто с орденом!

Жена кинулась к нему, рванула пальто и крикнула:

— Нет, ты ошибаешься... Отдай мне его!

Но он ухватился за рукав, и повторял в полном смятении:

— Да что это? Почему? Объяснись же! Чье это пальто?... Оно не мое — на нем орден Почетного легиона.

Она все пыталась вырвать у него пальто и растерянно лепетала:

— Послушай, послушай, отдай же! Я не могу сказать тебе... Это секрет... послушай!

Гнев охватил его, он побледнел:

— Я хочу знать, почему это пальто здесь? Оно не мое!

Тогда она крикнула ему в лицо:

— Нет, твое... молчи... поклянись, что никому не скажешь... слушай... так вот... ты награжден!

От волнения он выронил пальто и упал в кресло.

– Я... ты говоришь... я награжден!

– Да, но это секрет... большой секрет.

Она убрала в шкаф славное одеяние, подошла к мужу, бледная, дрожащая и сказала:

– Это новое пальто, которое я для тебя заказала. Но я дала слово ничего тебе не говорить. Официально это станет известно не раньше, как через месяц – полтора... Надо сначала закончить изыскания. До возвращения ты ничего не должен был знать... Это устроил господин Росселен.

Сакреман, глубоко-потрясенный, бормотал:

– Росселен, орден... ему я обязан орденом... я... ему... А-а!

Он вынужден был выпить стакан воды.

На полу белел клочок бумаги, выпавший из кармана пальто. Сакреман поднял его. Это была визитная карточка. Он прочел: «Росселен – депутат».

– Вот видишь, – сказала жена.

И он заплакал от радости.

Через неделю в «Правительственном вестнике» сообщалось, что г-н Сакреман произведен в кавалеры ордена Почетного легиона за особые заслуги.

Ги де Мопассан.

Французская новелла XIX века / [Сост. Б.П.Мицкевич.]

– Мн.: Изд-во «Университетское», 1984

Перевод И.Грушецкой. Neкаýalar